
Раздел I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СУБПАРАДИГМА НАУКИ О ЯЗЫКЕ¹

Н.Ф. Алефиренко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный университет
n-alefirenko@rambler.ru

На фоне функционального взаимодействия идей лингвокогнитивистики и лингвопрагматики в современном языкознании всё отчетливее обретает свои категориальные черты когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке. Что это – преднамеренная гибридизация лингвистических парадигм или закономерность? Возможно, стремление современных исследователей к обеспечивающему научную новизну изобретению лингвистических кентавров проявляет себя и здесь. Чтобы развеять подобного рода сомнения, нужно убедиться, что лингвокогнитивистика и лингвопрагматика не являются двумя параллельными прямыми, которые нигде и никогда не пересекаются. Как мне представляется, точки их пересечения обуславливаются дискурсивным пространством жизнедеятельности человека. Отсюда органическое взаимодействие речемыслительной деятельности человека с лингвопрагматикой, которое, собственно, и порождает если не новую парадигму научного поиска, то уж наверняка некое промежуточное лингвокогнитивное видение языка – субпарадигму. Есть объективные предпосылки для такой интеграции, и насколько она продуктивна для познания деятельностной природы языка?

Не требуется особых доказательств, чтобы утверждать: когнитивная лингвистика «изнутри» связана с коммуникативной прагматикой и теорией дискурса. И таким внутренним остовом выступает антропоцентрическая энергетика всех компонентов формирующейся линг-

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по Госконтракту П 1306.

вистической теории. Антропоцентризм со всеми присущими ему идеями резко отличает когнитивно-прагматическую субпарадигму языка от имманентности структурной лингвистики. Если для структурной лингвистики достаточно было постулировать существование языка как некоей абстрактной сети взаимозависимостей, то для когнитивно-прагматической лингвистики в центре внимания оказывается не только язык в неразрывном единстве его формы и субстанции, но и более высокое единство – деятельностное единство языка, речевого общения и человека. Именно такое триединство и обеспечивает человеку существовать в реальном мире, мыслить и познавать, создавать вокруг себя ценностно-смысловое пространство – эпицентр человеческой культуры и цивилизации.

Если структурная лингвистика в познании языка исходила из статистики слов и их грамматических форм, то языковая прагматика, опираясь на когнитивную лингвистику, в основу лингвистического исследования ставит образ *человека*, его потребности, мотивы, цели, намерения и ожидания, исходит из его практических и коммуникативных действий. В центре внимания оказываются коммуникативные ситуации, в которых участвует человек, или как субъект живой речи, как объект речемышления или как персонаж художественного произведения.

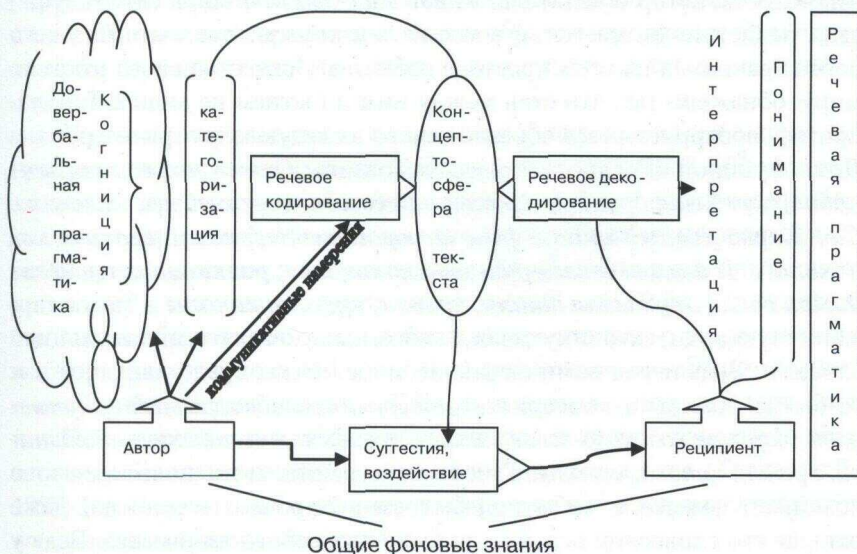
Не случайно когнитивная лингвопрагматика исповедует главным образом идеи *деятельностного* истолкования языка. Для когнитивной лингвопрагматики язык не самоцелен, изучать его «в самом себе и для себя» нонсенс. Как предмет исследования он должен быть онтологически и эпистемически включённым в человеческую деятельность. Отсюда и понимание языка как одного из важнейших инструментов этой деятельности, как одного из её основных речемыслительных дериватов. Таким образом, когнитивно-прагматическая субпарадигма языка обладает тремя свойствами: *антропоцентрической сущностью, деятельностной природой и динамизмом.*

Прежде всего когнитивно-прагматическая субпарадигма языка, в отличие от структурной лингвистики, сосредоточилась на личностных и социальных сторонах деятельности автора и реципиента. Стало ясно, что реализация и интерпретация определённых стратегий речевого общения не могут осуществляться без учёта многообразных личностных и социокультурных аспектов коммуникативного процесса. Отсюда необходимость в достаточно широком спектре исследовательских подходов к языку и речи: когнитивного, дискурсивного, лингвопрагматического и лингвокультурологического.

Когнитивный аспект представлен здесь интенциональностью рече-мыслительной деятельности. Дискурсивный подход способствует выявлению креативной силы коммуникативной среды. Ведь с позиций современных подходов дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текстов, еще и *экстралингвистические* факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Как же учитываются в дискурсивной прагматике *когнитивные процессы*? В естественном языковом общении – при огромном и бесконечном разнообразии определяющих его факторов – число возможных «ходов» просто не может быть исчислено. Сложнейшая задача их исчисления упрощается лишь за счёт выявления некоторых рекуррентных, наиболее типичных структур, вызывающих определённые *когнитивные* реакции. Многие исследователи выделяют два основных аспекта в когнитивном анализе дискурса – *структуры представления знаний* и *способы его концептуальной организации*. Иными словами, лингвокогнитивная составляющая рассматриваемой субпарадигмы сообщает ей две свои важнейшие категории: *категоризацию* и *концептуализацию* жизненного опыта (Алефиренко Н.Ф., 2011: 219). Концептуализация направлена на выделение его минимальных содержательных единиц, неких структур знания, а категоризация – на объединение сходных структур в более крупные разряды – категории. Оба процесса имеют прямой выход на лингвопрагматику, поскольку порождают и группируют концепты. Концептуализация направлена на осмысление познаваемого, мысленное конструирование познаваемых объектов, которое в конечном итоге приводит к образованию субъективных и этнокультурно значимых представлений о мире в виде концептов, которыми оперируют обе составляющие данной субпарадигмы: когнитивная и прагматическая. Это объясняется тем, что лежащий в основе концепта образ объекта, сохраняя с познаваемым наглядную связь и не являясь его копией, имеет внутреннюю связь и с процессами познания, и с интенциональной прагматикой. Это объясняется тем, что концепты, хотя и выражаются посредством языка, обязательно подвергаются довербальному семиотическому становлению. Причём наряду с универсальными процессами в сознании человека может возникнуть индивидуальное концептообразование. Восприятие художественной речи, если следовать за Р.И. Павилёнисом, «не исключает качественного различия индивидуальных концептуальных систем как содержащих «субъективные картины мира» (в виде субъективных систем мнений и знания)» (Па-

вилёнис Р.И., 1983: 263). Данное понимание концепта разделяют и некоторые психолингвисты. «Если концепт – это объект идеальный, т.е. существующий в нашей психике, то естественно, что одному тому же имени (слову) в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования. Тем самым не только разные языки «концептуализируют», т.е. преломляют действительность по-разному, но и за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты» (Фрумкина Р.М., 1992: 3). Это создаёт для автора и читателя большие возможности для герменевтического манёвра при восприятии художественного текста. С одной стороны, в их сознании система концептов становится эвристическим *инструментом* для интерпретации смыслового содержания произведения. С другой стороны, концепт – это *дериват* герменевтической способности человеческой когниции, способности интерпретировать, кодировать и сохранять различные типы впечатлений, переживаний и осмысления продуктов познания. Можно сказать, что концепт создаётся всем тем, что используется лингвопрагматикой для выражения суггестивной функции речи – психического внушения, изменения процессов речемышления, чувствования и реакций, большей частью не замечаемое тем, кто подвергается внушению со стороны художественного текста.

Схема когнитивно-прагматической субпарадигмы

В когнитивной лингвопоэтике суггестия не связана с гипнотическим снижением сознательного и критичного восприятия смыслового содержания художественного текста, хотя и подчинена воздействию на сознание читателя. Такое понимание словесно-художественной суггестии позволило Ж. Коэну утверждать, что применительно к поэзии «...вопрос не стоит более в сообщении как таковом, как системе знаков, но в субъективном эффекте, производимом на получателя» [цит. по: Todorov T., 1977: 40]. Не случайно Ш. Бодлер определял словесное искусство как «продукт суггестивной магии, объединяющей объект и субъект, мир внешний и внутренний».

Автору и читателю нередко даже на уровне подсознания приходится преодолевать разрыв между когнитивной семантикой и прагматикой высказывания. С одной стороны, речевое действие человека (а значит, рефлексивно и его язык) противопоставляется внешнему и внутреннему миру человека, поскольку является его знаковым аналогом, или его лингвокогнитивным отражением. С другой стороны, речевое действие является их продолжением, в том смысле, что слово, по М.М. Бахтину, как и любое другое действие, выступает, хотя и своеобразным, но тоже *событием* и *поступком*. М.М. Бахтин выступал против сведения словесного творчества к операциям над текстом, поскольку оно не есть простой манипуляцией выразительными средствами; человек, автор и читатель, живет в нем во всю ширь своего существования, падает, поднимается, и вовсе не в узком смысле «эстетического переживания», а на всем просторе события. Искусство слова открыто миру, обнажено так, что стен между ним и бытием не видно. Так, например, воспринимается образное слово в следующем отрывке романа Дины Рубиной «Воскресная месса в Толедо»: *Опять заговорили жалобно, перебивая друг друга, колокола соседних церквей, им отвечал с Сан-Марко ровный гуд, на фоне которого всплескивали верхние колокола. ... И длился, длился разговор колоколов, раскачивалась невидимая сеть, опутывающая шпили, крыши, купола, каналы...* Такую гармоничную архитектуру текста невозможно назвать манипуляцией словами. Ведь перед нами оязыковленное бытие, представленное как со-бытие! *Колокола заговорили, заговорили жалобно, ровный гуд отвечает, верхние колокола всплескивали, невидимая сеть, опутывающая шпили, крыши, купола, каналы.* Такое многогранное и полновесное слово возникает вместе с событием-бытием... Впрочем, возможно, даже раньше его словесной огранки, раньше словесного творчества. Ведь у

истинного художника слова мифическое восприятие мира, где слово и действительность слиты в одно целое – не избыточный рудимент, а мощный источник поэтической энергии его речевого подсознания. И лишь позже слово-событие, понимаемое М.М. Бахтиным как озарение, становится достоянием словесного творчества как **явленная правда мира**.

Современные исследования посвящаются не только суггестивной функции словесного творчества, но и так называемым скрытым формам воздействия в повседневной коммуникации. Так, К.Ф. Седов, например, разрабатывает суггестивную модель межличностного общения. Её предназначение: исследование внушения в обыденной речи, подсознательных стимулов и мотивов, определяющих успех или неуспех коммуникативного взаимодействия людей (см.: Седов К.Ф., 2011).

В центре внимания когнитивной лингвопрагматики актуальной остается проблема такой речемыслительной *репрезентации знаний*, которая позволяет эффективно воздействовать на реципиента художественного текста. Для адекватного восприятия художественных текстов прежде всего важна гармония в «моделировании» знания о мире отправителем сообщения и его реципиентом. Общение оказывается возможным только при наличии в сознании каждого говорящего, в его картине мира неких смысловых, информационных «сгущений» («фреймов», «ментальных моделей», «сценариев», «моделей ситуации»). Когнитивная прагматика, таким образом, предлагает некоторые способы изучения того, что делает художественные тексты цельными и связными.

В основе порождения и понимания художественного текста как продукта дискурсивной деятельности лежат не только абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях – как в ментальных моделях, сценариях и фреймах, – но и *личностные* знания носителей языка, аккумулирующие их предшествовавший индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Т. ван Дейк формулирует это таким образом, что люди действуют не столько в *реальном мире* и говорят не столько о нем, сколько о *субъективных моделях* явлений и ситуаций действительности. В связи с этим важно учитывать мнение Б. Гаспарова о том, что: «уникальность жизненно-языкового опыта каждого из нас все время относит нас друг от друга» (Гаспаров Б., 1996: 16). В связи с этим возникает вопрос: не является ли это помехой во взаимопонимании общающихся?

Будем исходить из того, что общающиеся всегда как-то понимают друг друга. Иное дело как – правильно или не совсем. И всё же направленность на понимание – фундаментальное условие речевой коммуникации. За счёт чего оно достигается? Разумеется, не только благодаря пониманию значений слов и словосочетаний в воспринимаемом высказывании. Главным образом, это происходит тогда, когда коммуниканты в фокусе своей дискурсии способны сосредоточиться на *интенции* своего визави, пытаются уяснить, что он хочет *выразить*, какое *речевое действие* посылает.

Первая попытка рассмотреть речь сквозь призму *действий* отправителя сообщения принадлежит Дж. Остину, Дж. Серлю и П. Грайсу, создавшим известную *теорию речевых актов*. Основным понятием теории Дж. Остина является «речевой акт» – квант речи, соединяющий единичное намерение («иллокуцию»), завершённый минимальный отрезок речи и достигаемый результат. Новым здесь является представление о том, что минимальной единицей дискурсивной деятельности является не предложение или другое какое-либо высказывание, а *действие* – совершение определенных актов, таких как констатация, вопрос, приказ, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление.

Предложенное Дж. Остиным понимание речевого действия развивается в работе Дж. Серля «Speech Acts», где говорение интерпретируется как совершение определенных действий. Речь, по Серлю, имеет *перформативный* характер, целью её является провоцирование изменений как в дискурсивном пространстве говорящего, так и в образе мыслей реципиента. «Иллокуционное намерение» говорящего – это то, что пытается передать создатель текста при помощи языка, а суть процесса коммуникации при таком понимании состоит в разгадывании коммуникативного намерения отправителя сообщения. Для объяснения самого феномена *понимания* в процессе общения было введено понятие «*успешный* иллокуционный акт», суть которого в достижении определенного результата, ради которого он был задуман и осуществлен.

Исследование речевого общения в рамках когнитивно-прагматической субпарадигмы языка нацелено на выяснение того, что именно способствует правильному восприятию читателем интенции автора. Как правило, условием «*успешного* иллокуционного акта» оказывается всё то, что остается за *пределами вербального выражения*, хотя и

оказывается неотъемлемой частью высказывания. И здесь слово за лингвокогнитивистикой, поскольку замысел формируется в глубокой структуре, не выражается ни в знаках языка, ни в знаках речи. Однако они, как доказал И.Н. Горелов, могут оказаться весьма содержательными паравербальными средствами, например в драматургическом диалоге (Голованёва М.А., 2010). В таком случае не обойтись без дискурс-анализа, так как степень осознания информации, выражаемой невербально, т.е. её расчленения и упорядочивания, будет существенно иной, чем на поверхностном уровне (при речевом общении). Многие при этом остаётся «за кадром», за рамками содержания текста – предмет дискурсии реципиента: домысливания, рассуждения и воображения. Остающееся «за кадром» содержание относится к индивидуальному опыту участников общения, их пресуппозиции, того социокультурного «фона», который их сближает или, наоборот, отдаляет за грань взаимопонимания.

Источниками формирования моделей понимания и методов анализа дискурса в перечисленных подходах (при всём множестве различий между ними) стали достижения таких дисциплин, как лингвистика, антропология, социология, философия, теория коммуникации, социальная психология и искусственный интеллект.

Несмотря на различия в этих подходах, в них наблюдается нечто общее и объединяющее, что одновременно является общим во всех когнитивно-ориентированных лингвистических исследованиях. Это – *антропоцентричность* языка, точнее – заложенные в языке практические, теоретические и культурные знания и опыт, которые так или иначе освоены, осмыслены и в той или иной степени вербализованы коммуникантами и представлены в виде языковой картины мира.

Итак, в эпицентре когнитивно-прагматической субпарадигмы языка находятся синергетически сложные, открытые и саморазвивающиеся феномены речедетельности человека:

- принципы и механизмы речемыслительной деятельности человека;
- рассматриваемые в широком социокультурном контексте, с учётом целей, намерений, условий дискурсивной деятельности;
- категории когнитивной лингвистики: когнитивные структуры и когнитивные процессы, представляющие собой сущность языкового/дискурсивного сознания коммуникантов.

В свете сказанного представляется эффективным с точки зрения когнитивно-прагматической субпарадигмы языка разрабатываемый нами дискурсивно-герменевтический метод анализа художественного текста, который включает в себя когнитивно-культурологический анализ дискурсивной деятельности автора и читателя и контекстуальный анализ в его традиционном понимании. Основная его задача – выявление системной взаимосвязанности текста, имплицитно возникающей между частями его ценностно-смыслового содержания, и смысловыми кластерами всего художественного дискурса.

Содержание и возможности разработанного нами метода представлены следующей системой исследовательских приёмов.

1. Определение особенностей культурно-исторического пространства, определяющего особенности дискурсивной деятельности автора и читателя. Для этого необходимо: 1) осмыслить общий историческо-культурный фон эпохи; 2) сфокусировать внимание на культурных обстоятельствах и обычаях, которые сообщают дополнительные значения описываемым в произведении действиям и событиям; 3) учитывать духовно-нравственный уровень тех, кому адресован текст (ср., например, адресатность поэмы Н.А. Некрасова «Мороз красный нос» и стихотворения М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта»).

2. Определение авторских интенций. Для этого необходимо: 1) отметить прямые утверждения или повторяющиеся фразы; 2) выделить и осмыслить увещательные (наставительные) фрагменты текста; 3) понять, (а) какие вопросы не затронуты; (б) на какие вопросы обращено особое внимание.

3. Герменевтическое осмысление того, как тот или иной фрагмент текста связан со своим непосредственным контекстом и всем художественным дискурсом. Для этого необходимо применить так называемый кластерный анализ (с целью описания механизмов вербального интегрирования базовых концептов, представляющих концептосферу языка анализируемого художественного произведения). С этой целью ставятся задачи: 1) определить основные смысловые кластеры текста и показать, как они объединяются в одно целое; 2) показать, как рассматриваемый смысловой кластер соотнобразуется с ходом мыслей автора; 3) определить точку зрения, с которой автор передает смысловое содержание каждого кластера. Она, как показывает анализ, может быть двух типов: (а) номенологическая (если события показываются такими, какими они есть) или (б) феноменологическая (если события

показываются такими, какими они представляются автору); 4) провести разграничение между описательной и предписывающей истиной; 5) вычленить случайные детали, содержащиеся в смысловом кластере, и сконцентрированную в нем поучительную суть; 6) определить, какому лицу или категории лиц адресован в тексте данный смысловой кластер.

В целом дискурсивно-герменевтический анализ производится при помощи трех основных вопросов, каждый из которых является более конкретным, чем предыдущий: 1. Какова общая историческая среда, в которой находился автор на момент написания данного произведения? 2. Каков историко-культурный контекст и какова цель данного произведения? 3. Каков непосредственный контекст рассматриваемого фрагмента?

В целом этот метод опирается на идеи когнитивной лингвопоэтики. Однако предпосылкой для создания данного метода служит традиционная теория языка художественной литературы. Любая когнитивная методика начинается с анализа текста как продукта дискурсивной деятельности автора. Конструктивной основой художественного текста служит так называемый поэтический язык, механизмы и средства создания как прозаических, так и стихотворных художественных текстов, их прочтения и интерпретации читателями. Разрабатываемый нами метод когнитивно-прагматического анализа текста отличается от лингвостилистического метода прежде всего тем, что он применим только к текстам словесно-художественного творчества с категориально значимой суггестивной установкой. При этом необходимо ещё одно важное отличие когнитивно-прагматического анализа художественного дискурса от лингвостилистического исследования текста. В художественном дискурсе автор, текст, читатель находятся не в таком тесном взаимодействии, как это представляет анализ текста. В художественном дискурсе названные компоненты лишены пребывания в единой (с точки зрения пространства и времени) коммуникативной ситуации. В этом необходимо анализировать художественные тексты с точки зрения их интенциональности, порождения, концептосферы, понимания и выполняемого ими суггестивного действия.

Когнитивно-прагматический анализ предназначен для выявления ценностно-смыслового пространства словесно-художественного творчества того или иного автора. Опираясь на знания пресуппозиций, ставится задача выяснить, как те или иные текстопорождающие средства

языка используются автором для осуществления исходной художественно-смысловой интенциональности (ср.: Задорнова В.Я., 1992: 14). Когнитивно-прагматический подход позволяет выявить суггестивный потенциал художественного текста. Если «лингвопоэтический анализ начинается как бы “сверху”»: от художественного содержания-намерения произведения к анализу используемых лингвистических средств» (Чаковская М.С., 1986: 15), то вектор когнитивно-прагматического анализа направлен в обратную сторону: от анализа используемых языковых средств к выявлению и интерпретации ценностно-смыслового содержания художественного текста. Поскольку любое художественное произведение предназначено для читателя, важное место в когнитивно-прагматическом анализе текста занимает проблема адресатности. В связи с этим особую значимость приобретает исследование суггестивных средств текста. Хотя вопросы адресатности уже поднимались исследователями текста (см. работы А.В. Полонского), функция воздействия художественного текста, адресованность и общая когезия текста остаются вне когнитивно-прагматического осмысления. Одна из задач когнитивно-прагматического анализа – устранить этот пробел путем обращения к дискурс-анализу.

По Т.А. ван Дейку, «дискурс в широком смысле слова является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта (1989: 122). В связи с таким пониманием дискурса, когнитивно-прагматический анализ не ограничивается не только рамками отдельного высказывания, но и рамками текста. В эпицентре исследования оказывается коммуникативное событие в синергетическом единстве всех его составляющих: говорящим, слушающим, их личностными и социальными характеристиками, а также суггестивными аспектами словесно-художественного воплощения коммуникативной ситуации и дискурсивной интенциональности. В связи с этим когнитивно-прагматический анализ направлен на выявление иллюкутивных сил того воздействия, которое оказывает художественный на читателя.

Итак, когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке «изнутри» связана с лингвокогнитивистикой, коммуникативной прагматикой и теорией дискурса. Её внутренним остовом выступает антропоцентрическая энергетика всех компонентов формирующей-

ся лингвистической теории. Своей многоканальной синергетикой коммуникативный антропоцентризм отличает когнитивно-прагматическую субпарадигму не только от имманентности структурной лингвистики, но и от аспектуального исследования языка в рамках современных подходов (лингвокогнитивистики, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики). Для когнитивно-прагматической лингвистики в центре внимания оказывается не только язык в неразрывном сопряжении его формы и субстанции, но и более высокое единство – деятельностное единство языка, речевого общения и человека. Именно такое триединство и обеспечивает человеку существовать в реальном мире, мыслить и познавать, создавать вокруг себя ценностно-смысловое пространство – эпицентр человеческой культуры и цивилизации.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010.

Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник. 1984–1985. М., 1986.

Гаспаров Б. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Голованева М.А. Коммуникативно-прагматическое выражение семейно-бытового конфликта в русской драме конца XX века // Гуманитарные исследования. Астрахань, 2010. № 8. С. 28–34.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Задорнова В.Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования. М., 1992.

Озерова Е.Г. Протодискурсивное пространство поэтической прозы И.С. Тургенева // Материалы междунар. научно-практ. конф. «Актуальные научные разработки-2009». Прага, 2009. С. 57–62.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. М., 1983.

Седов К.Ф. Дискурс как суггестия. М.: Лабиринт, 2011.

Чаковская М.С. Текст как сообщение и воздействие. М.: Высш. школа, 1986.

Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [концепт, категория, прототип] // Научно-техн. информация, сер. 2. М., 1992. № 3. С. 21–27.

Todorov T. The Poetics of Prose. Trans. Richard Howard. Ithaca: Cornell UP, 1977.